С.Б. Россинский

ЛИЧНЫЙ ОБЫСК ЗАДЕРЖАННОГО ПО ПОДОЗРЕНИЮ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ, НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ ПРОИЗВОДСТВА

В статье предпринимается попытка исследования теоретических, нормативно-правовых и практических проблем личного обыска, осуществляемого при задержании лица по подозрению в совершении преступления. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о необходимости исключения ст. 93 УПК РФ и системы уголовно-процессуального регулирования, как не имеющей правового смысла и оказывающей негативное влияние на развитие научной доктрины и формирование следственной практики. Кроме того, автор вносит предложения по изменению теоретических и практических подходов к фактически дублирующим друг друга процедурам предварительного непроцессуального обследования (досмотра) и последующего личного обыска задержанного.

Ключевые слова: досмотр; задержание подозреваемого; личный обыск; обыск; следственные действия.

Личный обыск – это следственное действие, которое заключается в принудительном обследовании тела человека, его одежды, обуви и аксессуаров в целях отыскания и изъятия скрываемых предметов, документов или ценностей, имеющих значение для уголовного дела. Возможность производства личного обыска задержанного и его процессуальные особенности вытекают из системного единства ст.ст. 93, 182 и 184 УПК РФ. А на его целесообразность и большое познавательное значение указывают отдельные ученые, посвятившие свои работы данной проблематике [13, с. 84]. Высокий доказательственный потенциал личного обыска задержанного наглядно подтверждается и материалами следственной и судебной практики. Так, в ходе предварительного слушания М., обвиняемый в незаконном приобретении и хранении наркотического средства – героина, заявил, что фигурирующий в уголовном деле пакетик с порошком белого цвета ему был подброшен при задержании сотрудниками полиции. Однако при исследовании материалов его личного обыска государственный обвинитель отметил последовательность изъятия предметов из кармана задержанного: сперва – пачка сигарет, затем – кошелек, и лишь в самом конце – пакетик с порошком. В этой связи прокурор обратил внимание суда, что если бы указанный объект действительно подбросили, то он должен был находиться сверху, а не на самом дне кармана. Данное обстоятельство сыграло решающую роль в признании действий полицейских правомерными и изобличении М. в совершении инкриминируемого ему преступления.

Вместе с тем анализ специальной литературы позволяет констатировать до-

статочно слабый научный интерес к проблемам личного обыска при задержании подозреваемого. В криминалистических публикациях исследуются отдельные тактические приемы и рекомендации по производству этого следственного действия, а также технологические особенности фиксации его хода и результатов [5, с. 21 ; 18, с. 48–51 ; 19, с. 159–167 ; 23, с. 303]. А в уголовно-процессуальных источниках освещение указанных вопросов носит преимущественно описательный характер и сводится к простому пересказу соответствующих статей УПК РФ [24, с. 49 ; 26, с. 119 ; 30, с. 75–77].

На первый взгляд, в этом нет ничего удивительного, поскольку ни в теории, ни в нормативном регулировании, ни в практике производства личного обыска вроде бы нет никаких ощутимых проблем, если, конечно, не считать вопроса о возможности его осуществления до возбуждения уголовного дела [17, с. 8–12] и некоторых организационно-технических трудностей, например, с обеспечением понятых в ночное время и т.д., имеющих скорее не уголовно-процессуальное, а криминалистическое содержание. Так, личный обыск задержанного проводится в общем порядке, установленном ст. 182 УПК РФ, и с учетом особенностей, вытекающих из ст. 184 УПК РФ. Основания для его производства обусловлены достаточными данными, свидетельствующими, что у лица могут находиться орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, предметы, документы или ценности, имеющие значение для уголовного дела. Кстати, при задержании подозреваемого эти основания вполне очевидны. Участниками личного обыска помимо следователя (дознавателя), самого задержанного и понятых могут являться оперативные сотрудники, специалист, переводчик, а также защитник и законный представитель. В ходе проведения обыска следователь имеет право: пресекать любые формы противодействия обыску, в том числе попытки уничтожать или прятать предметы, документы или ценности, имеющие отношение к уголовному делу; изымать такие объекты, а также любые другие предметы, запрещенные к свободному обороту и т.д. Особенностями личного обыска задержанного является возможность его проведения без постановления следователя и судебного решения, а также вытекающее из принципа уважения чести и достоинства личности требование о принадлежности всех принимающих участие в следственном действии лиц к одному полу с обыскиваемым.

Однако более детальное исследование аспектов обыска лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, дает право контрастировать наличие целого ряда теоретических и нормативно-правовых проблем, отражающихся на следственной практике.

Первый вопрос, который возникает применительно к личному обыску задержанного, – вопрос о правовом значении и практической пользе специальной процессуальной нормы, установленной ст. 93 УПК РФ. Напомним ее содержание: «Подозреваемый может быть подвергнут личному обыску в порядке, установленном ст. 184 УПК РФ». Имея сугубо отсылочный характер и будучи всего лишь правовым дозволением, а не предписанием, данное положение уголовно-процессуального закона как бы лишний раз напоминает следователю (дознавателю) о возможности использования ими при задержании подозреваемого того арсенала процессуальных приемов, которые предусмотрены нормами VIII раздела УПК РФ применительно ко всему предварительному расследованию. Создается впечатление, что разработчики Кодекса, формулируя содержание процедуры задержания подозреваемого, посчитали, что именно в этот момент следователь (дознаватель), имея достаточные основания для производства личного обыска, почему-то забудет, что наделен соответствующими процессуальными полномочиями.

По крайней мере, прежний порядок задержания подозреваемого (ст.ст. 122–123 УПК РСФСР) таких «напоминаний» не содержал; никакими подобными нормами не характеризуются и уголовно-процессуальные кодексы государств, возникших на постсоветском пространстве (Беларуси, Армении, Грузии, Украины и т.д.). Хотя для справедливости следует обратить внимание на аналогичную норму (ст. 135) в новом УПК Казахстана.

Существование ст. 93 УПК РФ применительно к процедуре задержания подозреваемого при наличии единой ст. 184 УПК РФ, позволяющей проводить личный обыск в любой момент, начиная с вынесения постановления о возбуждении уголовного дела и закачивания решением об окончании расследования, выглядит более чем странным. Следуя подобной логике, законодателю необходимо было предусмотреть отдельные нормы, регламентирующие производство личного обыска (да и не только его, а вообще любых следственных действий) после возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, после предъявления обвинения, после уведомления о подозрении в совершении преступления и во многих других ситуациях.

Представляется, что ст. 93 УПК РФ не имеет никакого позитивного правового значения, а, наоборот, оказывает лишь негативное влияние на правоприменительную практику, обусловленную недопониманием сотрудниками органов дознания и предварительного следствия того странного замысла, который был вложен законодателем в ее содержание. Как показывают результаты некоторых наших исследований, следователи или дознаватели зачастую толкуют положения этой нормы в системном единстве с ч. 2 ст. 92 УПК РФ как предполагающие не право, а прямую обязанность проведения личного обыска в процессе составления протокола задержания подозреваемого. Личный обыск задержанного нередко проводится даже тогда, когда в этом нет никакой необходимости и ограничивается изъятием у него часов, шнурков, ремня и тому подобных объектов, как бы заменяя собой режимную процедуру, применяемую при помещении человека под стражу.

Кстати, неверное, на наш взгляд, толкование ст. 93 УПК РФ имеет место и на доктринальном уровне. Некоторые ученые пытаются придать ей характер некой специальной нормы и на этом основании пишут об особом правовом режиме личного обыска, проводимого при задержании подозреваемого. В частности, высказывается мнение, что данное следственное действие имеет акцессорную природу, поэтому подчиняется той же логике, что и задержание (производится до возбуждения уголовного дела, сотрудниками полиции, принимающими участие в задержании, и т.п.) [14, с. 531]. Едва ли можно согласиться с подобными высказываниями. Очевидно, что здесь имеет место определенная подмена понятий: под личным обыском понимается непроцессуальный досмотр, проводимый в момент фактического задержания, о которым мы будем говорить далее. По крайней мере, рассматриваемая правовая норма точно не содержит никакого исключения из общих правил следственных действий, предполагающих возможность их проведения после возбуждения уголовного дела и только специально уполномоченными субъектами, принявшими это дело к своему производству.

Поэтому ст. 93 УПК РФ подлежит безусловному исключению из системы уголовно-процессуального регулирования как, с одной стороны, ни имеющая никакого правового смысла, а с другой – оказывающая негативное влияние на развитие научной доктрины и формирование следственной практики. Личный обыск не должен рассматриваться в качестве одного из элементов процедуры задержания подозреваемого, каковым он является в настоящее время.

Еще один второй вопрос, который возникает применительно к личному обыску

подозреваемого – вопрос о том, когда все-таки надлежит проводить это следственное действие? С одной стороны, по смыслу все той же пресловутой ст. 93 УПК РФ личный обыск осуществляется лишь после принятия юрисдикционного решения следователя (дознавателя) о задержании. Ведь, предписывая его производство именно в отношении подозреваемого, законодатель предполагает, что задержанное лицо уже было наделено данным процессуальным статусом. В противном случае речь шла бы о личном обыске фактически задержанного. При этом подозреваемым согласно п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ лицо может считаться лишь с момента оформления протокола его задержания, то есть соответствующего государственно-властного акта, наделяющего его правами и обязанностями, на что неоднократно обращалось внимание в уголовно-процессуальной литературе [27, с. 33 ; 28, с. 82 ; 29, с. 242 ; 33, с. 113]. Ошибочно полагать, что статус подозреваемого у лица возникает несколько ранее – в момент его фактического задержания, как это делают отдельные авторы [12, с. 157 ; 25, с. 124]. Подобный подход, хотя и выглядит сугубо либеральным, но искажает саму природу публичных уголовно-процессуальных отношений, предполагающих обязательное участие в них субъекта уголовной юрисдикции. А лица, осуществляющие фактическое задержание, такими полномочиями не наделены. Как совершенно справедливо писал И.М. Гуткин, такая деятельность во многих случаях осуществляется лицами рядового и младшего начальствующего состава милиции, которые не пользуются правом производства уголовно-процессуальных действий. Аналогичным образом следует оценивать и полномочия представителей среднего и старшего начальствующего состава, связанные с выполнением обязанностей по охране общественного порядка [4, с. 16–17]. Даже если в фактическом задержании принимает участие штатный следователь/дознаватель (что иногда случается в практике) или оперативный сотрудник (что бывает достаточно часто), то он, лично восприняв обстоятельства, имеющие значение для дела, становится свидетелем произошедшего, поэтому ввиду прямого предписания ч. 1 ст. 61 и ч. 1 ст. 62 УПК РФ обязан устраниться от участия в уголовном судопроизводстве. А часть 2 статьи 41 УПК РФ запрещает возложение полномочий по проведению дознания на лицо, которое проводило или проводит по данному уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия. Кстати, в этой связи мы не можем согласиться с С.А. Шейфером, указывающим, что в подобной ситуации сотрудник должен устраниться от дальнейшего расследования лишь после составления протокола задержания [30, с. 66]. Если следователь (дознаватель) не имеет права участвовать в производстве по уголовному делу, то этот запрет по смыслу закона следует распространять на все процессуальные действия и решения. Предложенный С.А. Шейфером выборочный характер (составить протокол задержания – можно, а все остальное – нельзя) представляется более чем странным.

Только орган дознания, дознаватель или следователь как участники уголовного процесса, обладающие публично-правовыми полномочиями, вправе возбудить в отношении конкретного лица уголовное преследование и, таким образом, признать его подозреваемым по уголовному делу. А с момента фактического задержания у лица возникают не более чем отдельные права, присущие подозреваемому, причем не столько в уголовно-процессуальном, сколько в общем конституционном смысле, в частности право на адвоката (защитника). Кстати, именно такая позиция выражена и в знаменитом постановлении Конституционного Суда РФ по делу В.И. Маслова[1].

Однако с другой стороны личный обыск должен проводиться до составления

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П.

протокола задержания, что соответствует и механизму принятия решений в уголовном судопроизводстве, и просто здравому смыслу. Ведь прежде чем применить к лицу меру процессуального принуждения в виде задержания подозреваемого, следователь (дознаватель) должен установить наличие соответствующих оснований, обусловленных фактическими обстоятельствами уголовного дела. В этой связи следует напомнить, что познание (установление) фактических сведений – это первый и один из важнейших этапов принятия любого процессуального решения [15, с. 38]. Тем более, что перечисленные в законе основания для задержания подозреваемого, особенно предусмотренные п. 3 ч. 1 ст. 91 УПК РФ (когда на лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления), сформулированы таким образом, что здесь просто напрашивается предварительное проведение личного обыска. Кроме того, данный тезис прямо вытекает из смысла ч. 2 ст. 92 УПК РФ, где говорится, что в протоколе задержания подозреваемого помимо всего прочего необходимо отразить результаты его личного обыска. Подобная правовая конструкция нам представляется не совсем верной, потому что процессуальное решение вообще должно оформляться не протоколом, а постановлением[2]. Но она существует и обязательна для правоприменителей. Поэтому на момент составления протокола задержания подозреваемого результаты его личного обыска уже должны быть известны, что и предполагает его предварительный характер.

С практической точки зрения поднимаемые проблемы усугубляются еще и тем, что личный обыск (вернее то непроцессуальное мероприятие, которое по существу напоминает личный обыск) зачастую вообще проводится не следователем (дознавателем) в своем кабинете, а прямо на месте фактического задержания будущего подозреваемого сотрудниками правоохранительных органов. Кстати, данный познавательный прием в большинстве случаев весьма и весьма целесообразен, поскольку нередко именно его результаты дают основание для решения вопроса о фактическом задержании лица и его доставлении в орган дознания или к следователю. Для иллюстрации приведем несколько примеров.

Так, сотрудниками дорожно-патрульной службы одного из подразделений УГИББД г. Москвы на стационарном посту при въезде в город был остановлен автомобиль «BMW X5», на заднем сиденьи которого был обнаружен пистолет «ПМ» и 16 штатных патронов к нему. В другом случае сотрудники таможни в международном аэропорту «Шереметьево» обнаружили в багаже прибывшего из Таиланда туриста 13 упаковок сильнодействующего вещества – диазепама, запрещенного к свободному обращению на территории РФ. Можно привести еще множество подобных примеров. Причем по отдельным категориям уголовных дел, например по ст.ст. 186, 191, 222, 228 УК РФ, такие механизмы используются практически повсеместно.

Об эффективности и практической целесообразности производства подобных познавательных приемов говорят и многие ученые, рассматривающие личный обыск не с процессуальных, а с тактических позиций. Например, С.В. Дегтярев прямо пишет о предварительном характере этого следственного действия, связывая его с местом фактического задержания [5, с. 21]. А.В. Дулов и П.Д. Нестеренко считают, что тактически правильно производить личный обыск в два этапа: на месте задержания (ареста) и в кабинете следователя или дознавателя после доставления туда подозреваемого (обвиняемого) [9, с. 151]. Эта же точка зрения находит отражение в работах А.А. Закатова и А.Е. Ямпольского [11, с. 29].

[2] Данный вопрос является предметом отдельной научной дискуссии, поэтому в рамках настоящей статьи мы не будем заострять на нем внимание.

Другое дело, что уважаемые ученые-криминалисты, видимо, не придавая особого значения правовой форме, называют личным обыском близкие по существу непроцессуальные познавательные механизмы (в первую очередь досмотр), которые фактически заменяют следственные действия ввиду невозможности проведения последних до возбуждения уголовного дела и не уполномоченными на то лицами. В частности, п. 266 Устава патрульно-постовой службы полиции[3] прямо предписывает, что в зависимости от обстоятельств наружный досмотр одежды и вещей, находящихся у задержанных, производится немедленно или в более удобный момент, когда можно получить помощь от других сотрудников полиции или граждан. Теория и практика уголовного процесса в данном случае в очередной раз сталкивается с проблемой использования в доказывании результатов непроцессуальной (оперативно-розыскной и административной) деятельности.

Однако непроцессуальный характер административного досмотра или близких по характеру оперативно-розыскных приемов не меняет их познавательной сущности, заключающейся в «невербальном» восприятии определенных материальных фрагментов объективной реальности и формировании на этой основе посредством наглядно-образного мышления соответствующих мысленных образов [21, с. 74–110]. В их основе лежат идентичные личному обыску гносеологические закономерности. В этой связи нельзя согласиться с мнением Е.А. Доли, что формируемые в сознании субъектов процессуального и непроцессуального познания мысленные образы различны по своему содержанию именно из-за особенностей используемой правовой формы. Автор не совсем верно связывает с процессуальной формой наличие определенной установки и активность познающего субъекта [8, с. 29]. Ведь предусмотренная законом форма доказательства – это всего лишь внешняя оболочка, то есть некая верхушка айсберга, на котором зиждется познание обстоятельств уголовного дела. Тогда как как внутренняя часть данного процесса, сам маховик познавательной деятельности основан лишь на гносеологических и психофизиологических закономерностях, существующих и функционирующих вне каких-либо созданных человеком формальных правил. Кстати, мы полагаем, что именно этими закономерностями, а не нормативно закрепленными функциями и полномочиями обусловлены определенные познавательные установки и активность соответствующего субъекта. Наличие предусмотренной УПК РФ правой формы личного обыска является не более чем процессуальной гарантией доброкачественности полученных результатов, но при этом ни в коей мере не влияет на их гносеологическое содержание. Конечно, исходя из юридического характера уголовно-процессуальной деятельности, можно говорить о правовой непригодности результатов досмотра и тому подобных мероприятий для использования в доказывании, можно признавать их недопустимыми и формально исключить из материалов уголовного дела. Но сам факт обнаружения и изъятия у человека сотрудниками правоохранительных органов неких материальных объектов, имеющих значение для последующего уголовного дела, как бы полностью «выкинуть» из объективной реальности просто невозможно.

Абсолютно абсурдной и недопустимой также является технология, когда сотрудники правоохранительных органов сперва обнаруживают у задержанного какие-либо предметы (похищенное имущество, оружие, боеприпасы, наркотики и т.д.), а затем возвращают их на прежнее место («запихивают назад») для того, чтобы позднее следователь их «обнаружил» заново и изъял в порядке,

[3] Приказ МВД России от 29 января 2008 г. № 80 «Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции» с последующими изменениями и дополнениями.

предусмотренном ст. 184 УПК РФ. Подобный алгоритм действий очень отчетливо напоминает уже ставшую притчей во языцех сцену задержания в трамвае вора-карманника из кинофильма «Место встречи изменить нельзя».

Поэтому в современной практике наиболее часто используется несколько иная технология. Она заключается в том, что во время фактического задержания лица сотрудники правоохранительных органов проводят его досмотр или какие-то подобные действия по отысканию и изъятию предметов, документов или ценностей, которые, не имея строго установленного правового режима, являются некими суррогатами личного обыска. Результаты таких мероприятий, хотя прямо противоречат целому ряду положений УПК РФ, тем не менее, в дальнейшем прекрасно используются в доказывании по уголовному делу. А при составлении протокола задержания подозреваемого следователь (дознаватель), стремясь исполнить требования ст. 93 УПК РФ (напомним, что многие практики воспринимают ее именно как прямое предписание), еще раз проводит его личный обыск. Причем ввиду предварительного непроцессуального отыскания и изъятия всех имеющих значение для дела объектов, следователю (дознавателю) остается забрать у подозреваемого лишь часы, шнурки, брючный ремень и тому подобные вещи, запрещенные к использованию в местах содержания под стражей; личный обыск становится не более чем пустой формальностью.

Конечно подобная практика не является повсеместной. Существуют и иные ситуации, когда следователи (дознаватели) вообще не производят личных обысков задержанных или в ходе их осуществления все-таки изымаются определенные предметы, документы или ценности, имеющие значение для уголовного дела. Однако доля проведения рассмотренных нами чисто формальных обысков лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления, еще весьма велика.

Рассмотренному нами алгоритму действий по отысканию и изъятию у лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, предметов, документов и ценностей, имеющих значение для уголовного дела, присущ целый комплекс недостатков теоретического, нормативно-правового и практического характера.

Во-первых, жизнеспособность данной технологии невольно упирается в доктринальный постулат о недопустимости использования в доказывании результатов оперативно-розыскной и административной деятельности, не соответствующих требованиям уголовно-процессуального закона. Досмотр и тому подобные непроцессуальные мероприятия не характеризуются столь высоким уровнем правовых гарантий доброкачественности, кои присущи личному обыску. И хотя рассмотренная практика имеет повсеместное применение, а сотрудники правоохранительных органов и даже судьи относятся к ней как к само собой разумеющейся, мы полагаем, что результаты непроцессуальной деятельности (исходя из содержания действующих норм УПК РФ) в принципе не могут быть приравнены к результатам личного обыска. А выдвинутая в науке уголовного процесса [1, с. 171–172 ; 6, с. 40 ; 7, с. 240 ; 10, с. 363 ; 32, с. 111–112] и подкрепленная позицией Конституционного Суда РФ[4] идея о легализации непроцессуальной (оперативно-розыскной) информации и формировании на ее основе доказательств – это не более чем попытка найти наиболее приемлемый теоретический и прикладной выход из созданного самим законодателем правового тупика[5]. Вместе с тем, как показывает судебная и следственная практика,

[4] Определение Конституционного Суда РФ от 4 февраля 1999 г. № 18-О.

[5] Более подробно эти вопросы рассмотрены в целом ряде наших работ по проблемам использования в доказывании результатов оперативно-розыскной и административной деятельности и их соотношению с результатами «невербальных» следственных и судебных действий, предусмотренных ст. 83 УПК РФ [20, с. 171–196 ; 21, с. 218–249 ; 22, с. 171–184].

зачастую именно результаты подобного непроцессуального суррогата личного обыска и являются одним из ключевых доказательств, позволяющих как принять решение о задержании подозреваемого, так и впоследствии изобличить его в совершении инкриминируемого ему преступления. А проведенный позднее полноценный личный обыск в порядке ст. 184 УПК РФ, как отмечалось выше, является не более чем формальностью и не имеет никакого познавательного значения.

Во-вторых, подобный алгоритм действий в принципе не позволяет следователю (дознавателю) провести полноценный личный обыск подозреваемого ввиду отсутствия соответствующих оснований. Эти основания полностью нивелируются предварительным непроцессуальным отысканием и изъятием у человека всех имеющих значение для дела объектов при его фактическом задержании. Возникает закономерный вопрос: что, собственно говоря, можно найти при личном обыске, если все уже было обнаружено и изъято ранее, в ходе досмотра или тому подобных непроцессуальных мероприятиях.

Конечно, если у следователя имеются данные, обусловливающие необходимость повторного обследования тела человека, его одежды, обуви или аксессуаров, то проведение такого следственного действия представляется правомерным и даже необходимым. В качестве примера здесь можно описать случай, произошедший в нашей собственной практике во время прохождения службы в Следственном управлении ГУВД г. Москвы. Так, Р. был задержан сотрудниками криминальной милиции в пункте обмена СКВ при попытке сбыта поддельной купюры достоинством 50 фунтов стерлингов; купюра была у него изъята. Будучи доставленным к следователю Р. утверждал, что ни имеет ни малейшего представления о поддельности данной купюры и что получил ее как плату за оказание услуг одному англичанину, которого несколько раз возил на своем автомобиле по г. Москве. Однако из показаний допрошенного в качестве свидетеля соседа Р. стало известно, что у того в пиджаке есть потайной карман, который не был обнаружен при фактическом задержании. Следователь принял решение о производстве личного обыска Р., в ходе которого из указанного потайного кармана были изъяты еще пять 50-фунтовых купюр с одинаковым серийным номером.

Но подобные ситуации встречаются достаточно редко. В большинстве случаев производимый в момент составления протокола задержания подозреваемого личный обыск является абсолютно необоснованным и приводит к неоправданному применению в отношении личности государственного принуждения. А это прямо противоречит как принципу законности уголовного судопроизводства (ч. 4 ст. 7 УПК РФ), так и самой сущности, и назначению уголовно-процессуальной деятельности.

Ну, и наконец, в-третьих, рассмотренный нами алгоритм порождает трудности сугубо практического или даже технического характера, так как связан с необходимостью неоднократного и бесцельного выполнения по сути одних и тех же поисковых действий, но предусмотренных различными правовыми режимами. Сначала личность, его вещи, одежда и аксессуары подвергаются принудительному обследованию со стороны сотрудников правоохранительных органов. Далее, после доставления такое же точно принудительное обследование осуществляется дознавателем или следователем. А ведь к этому еще необходимо прибавить личный досмотр доставленного оперативным дежурным отдела внутренних дел, производимый в соответствии с п. 9 Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан[6]. И, нако-

[6] Приказ МВД России от 30 апреля 2012 г. № 389 «Об утверждении Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после

нец, нельзя забывать об обязанности проведения личного обыска подозреваемого, поступившего в изолятор временного содержания, в целях обнаружения и изъятия у него предметов, веществ и продуктов питания, запрещенных к хранению и использованию либо не принадлежащих данному лицу (например, раздел III Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел[7] или раздел III Правил внутреннего распорядка в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых пограничных органов[8]). Формально каждое из этих мероприятий преследует свои собственные цели. Однако в практике они фактически дублируют друг друга, на что совершенно справедливо указывает В.Н. Григорьев [3, с. 184]. И если, например, в ходе личного обыска следователь изымает у подозреваемого те самые часы, шнурки, ремень или ювелирные изделия, то последующий режимный обыск дежурным по изолятору временного содержания теряет всякий смысл и опять-таки превращается в ничем необоснованное принуждение.

Решение обозначенных проблем представляется возможным лишь посредством изменения некоторых доктринальных и законодательных подходов к процессуальным механизмам, связанным с производством личного обыска человека, задержанного по подозрению в совершении преступления.

Так, в первую очередь пора, наконец, признать, что единственная возможность использования в доказывании столь важных результатов административного досмотра или иных подобных непроцессуальных мероприятий – это их введение в уголовный процесс без необходимости какой-либо мнимой легализации. Такие результаты по своей сути невоспроизводимы и в принципе не могут быть повторно получены дознавателем или следователем в процессе расследования уголовного дела. Представляется, что не существует никаких реальных препятствий для прямого, непосредственного использования этих материалов в качестве доказательств. Что же касается возможных фальсификаций и злоупотреблений в этом сегменте процессуального познания, пишет В.М. Бозров, то они не исключаются и при следственных действиях. Автор абсолютно прав, что нужно постараться свести вероятность подобных явлений до минимума посредством уголовных и уголовно-процессуальных гарантий [2, с. 24–25]. А для этого указанные мероприятия должны быть возведены в такой правовой режим, который по уровню гарантий прав личности был не меньшим, чем уровень гарантий, предоставляемый УПК РФ. К сожалению, в настоящее время правовая регламентация досмотра и тому подобных мероприятий оставляет желать лучшего. Мы совершенно согласны с Я.М. Мазуниным, отмечающим, что неопределенность в данном вопросе вынуждает сотрудников оперативно-розыскных подразделений самостоятельно искать способы, позволяющие дать правовые гарантии допустимости полученных ими сведений, либо использовать накопленный опыт, который, к сожалению, часто противоречит законодательству. Он же указывает, что имеющиеся здесь законодательные пробелы порождают «процессуальные суррогаты», которые вместо усиления доказательственного значения оперативно-розыскных мероприятий дискредитируют их в глазах правосудия [16, с. 44]. Поэтому очевидно, что в будущем предстоит большая работа по формированию

доставления граждан» с последующими изменениями и дополнениями.

[7] Приказ МВД России от 22 ноября 2005 г. № 950 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел» с последующими изменениями и дополнениями.

[8] Приказ ФСБ России от 24 марта 2010 г. № 140 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых пограничных органов».

соответствующей нормативно-правовой базы и внесению целой серии дополнений в оперативно-розыскное и административное законодательство.

И, во-вторых, необходимо полностью прекратить практику проведения необоснованных и бесцельных личных обысков подозреваемых, сопутствующих процессуальному решению об их задержании, в тех случаях, когда все возможные предметы, документы или ценности уже были обнаружены и изъяты посредством непроцессуальных досмотров и тому подобных мероприятий. Частично это может быть обеспечено путем исключения из сферы уголовно-процессуального регулирования ст. 93 УПК РФ, предполагающей, как уже отмечалось выше, неоднозначное толкование. Однако полностью решить указанную задачу возможно лишь посредством повышения профессионализма сотрудников органов дознания и предварительного следствия, а также системного разъяснения данных вопросов в научно-практических комментариях к УПК РФ и учебной литературе.

Пристатейный библиографический список

1. Астафьев Ю.В., Изотова Н.В. Доказывание и оперативно-розыскная деятельность: проблемы соотношения и взаимодействия. Курск: ФГУИПП, 2002.
2. Бозров В.М. Результатам ОРД – статус доказательств // Законность. 2004. № 12.
3. Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого. М.: ЮрИнфор, 1999.
4. Гуткин И.М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания: учеб. пособие. М.: Изд-во Академии МВД СССР, 1980.
5. Дегтярев С.В. Тактика обыска: практ. пособие для следователей. Н.Новгород: НЮИ МВД России, 1995.
6. Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / под ред. В.А. Власихина. М.: Юристъ, 2000.
7. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М.: Проспект, 2009.
8. Доля Е.А. Результаты оперативно-розыскной деятельности не могут стать содержанием доказательств в уголовном процессе // Государство и право. 2013. № 5.
9. Дулов А.В., Нестеренко П.Д. Тактика следственных действий. Минск: Вышэйшая школа, 1971.
10. Зажицкий В.И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006.
11. Закатов А.А., Ямпольский А.Е. Обыск: учеб. пособие. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1983.
12. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. М.: Юристъ, 2003.
13. Корнуков В.М., Валиев Р.Ш. Личный обыск и его роль в уголовно-процессуальном доказывании. Саратов: СГАП, 2007.
14. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. М.: Статут, 2016.
15. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. 2-е изд. М.: Норма, 2010.
16. Мазунин Я.М. Использование результатов ОРД в доказывании нуждается в законодательной регламентации // Инновационное образование и экономика. 2010. № 7. Т. 1.
17. Наумов А.М. Проблема выполнения следственных действий до возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2016. № 7.
18. Попов В.И. Обыск. Алма-Ата: Казахский госуниверситет имени С.М. Кирова, 1959.
19. Ратинов А.Р. Обыск и выемка. М.: Госиздат, 1961.
20. Россинский С.Б. Результаты «невербальных» следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу. М.: Юрлитинформ, 2015.
21. Россинский С.Б. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2015.
22. Россинский С.Б. Использование результатов «невербальных» оперативно-розыскных мероприятий в доказывании по уголовному делу – объективная необходимость // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 3 (20). С. 171–184.

23. Руководство для следователей / под ред. Н.А. Селиванова, В.А. Снеткова. М.: Инфра-М, 1997.
24. Семенцов В.А. Следственные действия: учеб. пособие. Екатеринбург: УрГЮА, 2003.
25. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник / под ред. А.В. Смирнова. 3-е изд. М.: КноРус, 2007.
26. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М.: Наука, 1970.
27. Сопнева Е.В. Теоретическая модель процессуального статуса подозреваемого в уголовном процессе. Ставрополь: СФ Краснодарского ун-та МВД России, 2010.
28. Уголовный процесс: учебник / под ред. С.А. Колосовича, Е.А. Зайцевой. 2-е изд. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2003.
29. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1–32.1. Постатейный научно-практический комментарий / отв. ред. Л.А. Воскобитова. М.: Редакция «Российской газеты», 2015.
30. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма М.: Юрлитинформ, 2001.
31. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М.: Юрлитинформ, 2004.
32. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008.
33. Якимович Ю.К. Участники уголовного процесса. СПб.: Юридический центр, 2015.

Издательство «Юрлитинформ»
предлагает вниманию читателей новые книги

- **Ахметзакиров Н.Р.**
  Сравнительное исследование осуществления правовой помощи по уголовным делам в Казахстане и России
- **Гамбарян А.С., Симонян С.А.**
  Судебное депонирование показаний в современном уголовном процессе
- **Васяев А.А.**
  Теория исследования доказательств в российском уголовном процессе
- **Филиппова Т.Ю.**
  Особенности применения российского уголовно-процессуального законодательства в отношении иностранных граждан
- **Щерба С.П., Архипова Е.А.**
  Применение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран: опыт, проблемы, перспективы
- **Стельмах В.Ю.**
  Следственные действия, ограничивающие тайну связи
- **Деришев Ю.В., Забуга Е.Е.**
  Медиация как альтернативная форма уголовного преследования несовершеннолетних

Заявки на приобретение изданной литературы направляйте по адресу:
119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 6
ООО Издательство «Юрлитинформ»
тел. (495) 697-77-45, тел./факс (495) 697-16-13
E-mail: zakaz@urlit.ru